

А.А. Голубев

**Сыскной приказ Обществ. Быт и
судопроизводство**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.А. Голубев**
Сыскной приказ Обществ. Быт и судопроизводство / А.А. Голубев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 192 с.

ISBN 978-5-458-06471-2

ISBN 978-5-458-06471-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

городскіе и посадскіе люди служили государству разными денежными сборами (№ 2036).

Бѣлое духовенство, какъ сословіе, тоже отбывало службу государству и лично и имуществомъ. Собственно лица, имѣвшія священно-служительскій чинъ, прямо не отбывали государственной службы: они были исключительными служителями церкви и къ ней приурочены были всѣ ихъ обязанности и повинности. Но дѣти священно-служителей, достигшіе совершеннолѣтія, и всѣ церковно-служители отбывали службу государству. Всѣ эти лица платили подушныя подати, и поступали иногда въ рекруты, по повелѣнію верховной власти (№ 494 Прот. № 113).

Такія же повинности государству отбывали и крестьяне. Они обязаны были, когда повелитъ верховная власть, ставить изъ своей среды рекрутъ; кромѣ того, ежегодно платили подушныя подати и разные государственныя сборы „по нарядомъ“ (№ № 3135, 145 и др.).

Такимъ образомъ, всѣ русскіе граждане обязаны были нести государственную службу. Освобождена была отъ нея только монашествующая братія.

Въ настоящей главѣ мы сдѣлали лишь краткій очеркъ повинностей разныхъ сословій по отношенію къ государственной службѣ. Подробнѣе объ этихъ повинностяхъ будетъ сказано въ послѣдующихъ главахъ, гдѣ мы будемъ описывать общественный бытъ каждаго сословія въ отдѣльности.

III.

Д В О Р Я Н Е .

Дворы дворянскіе въ городѣ и деревнѣ.—Домовнія церкви.—Пѣчіе.—Одежда.—Убранства.—Предметы роскоши.—Дворня и служба ей: домоправители, ходатаи по дѣламъ, егеря и скороходы.—Доходы помѣщиковъ.—Занятія.—Забавы.—Права помѣщиковъ на крепостныхъ и отношенія къ нимъ.—Отношенія помѣщиковъ между собой.—Пѣзды.—Образованіе.

Если взять до-петровскаго дворянина, вотчинника или помѣщика, то онъ по своему образованію, вкусу, потребностямъ и привычкамъ, мало чѣмъ отличался отъ простаго селянина. Препжній дворянинъ часто проводилъ весь вѣкъ свой въ деревнѣ и умиралъ тамъ, рѣдко бывая въ городѣ. Но призванный Петромъ Великимъ къ обязательной и безсмѣнной службѣ государству, дворянинъ долженъ былъ покинуть деревню и переселиться въ городъ. Такимъ образомъ, между простымъ земскимъ сплавомъ явилось въ городѣ отличное дворянское со-

словіе, которое стало селиться въ немъ своими дворами и тѣмъ измѣнило самую фізіономію города. Имѣя въ своемъ распоряженіи всегда готовую и даровую рабочую силу, дворянство стало строить въ городахъ дома по преимуществу каменные, которые рѣзко отличались отъ дворовъ земцевъ. Дома дворянъ, большею частію, строились въ два этажа, изъ коихъ въ нижнемъ помѣщались кухня, скатертная, гардеробная и прочія службы, тутъ же жила прислуга; а въ верхнемъ помѣщался самъ помѣщикъ съ семействомъ. Именитое и богатое дворянство строило дома большіе, со множествомъ парадныхъ нежилыхъ покоевъ, которые назначались только для торжественныхъ случаевъ. Судейскій осмотръ Сыскаго Приказа сдѣлалъ слѣдующее, напримѣръ, описаніе дома генерала Шепелева: „въѣхавъ на дворъ, отъ воротъ входы въ покои къ переднему крыльцу налево, а къ заднему направо, откуда былъ входъ въ тѣ покои (гдѣ генераль Шепелевъ найденъ былъ застрѣлившимся). А какъ вошли къ тѣмъ покоемъ въ сѣни, и въ тѣхъ сѣняхъ налево, внизу, поварня и скатертная, гдѣ обѣдывали люди. А вошедъ на лѣстницу, вверхъ, изъ сѣней къ покоемъ двѣ двери—одна прямо, въ называемую заднюю (въ покои для жилья помѣщика), а другія налево, въ крестовую. Изъ крестовой двои двери въ свѣтлицу съ балхономъ, а изъ той въ называемую ольховую, а изъ той въ дубовую, а потомъ въ прихожую, а изъ той прихожей въ переднія сѣни, а изъ сѣней сходъ на дворъ. А вошедъ въ крестовую, на правую сторону дверь въ столовую палату, также и изъ задней въ столовую дверь же. Изъ столовой въ спальню дверь на лѣвую сторону. Изъ спальни двое двери—одна въ копторку, а другая въ большую прихожую“ (№ 2415). На дворѣ находились каменные службы: конюшни, экипажные сараи, кладовая, или казенная палата, въ которой хранились пожитки и драгоценности. Эти палаты строились съ маленькими окнами съ желѣзной рѣшеткой, съ желѣзными толстыми дверями, которыя запирались массивными засовами. Сколько нибудь подробнаго описанія городского дома дворянъ менѣе богатыхъ въ дѣлахъ Сыскаго Приказа нѣтъ. Есть только отрывочныя упоминанія о свѣтлицахъ, о кабинетѣ, о коморкахъ для дворовыхъ дѣвушекъ, о чуланахъ, въ которыхъ хранились „домашніе животы“, деньги и драгоценности, о приворотней избѣ, въ которой жили сторожа и дворники; эта же изба служила и карцеромъ для провинившихся челядинцевъ. Кромѣ городскихъ домовъ, нѣкоторые дворяне имѣли и загородные дворы, служившіе имъ дачей, куда переселялись на лѣтнее время. Небогатые дворяне не имѣли въ городѣ своихъ дворовъ и жили на квартирахъ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ не удерживала въ городѣ государева служба, опять переселялись въ деревню. Деревенскіе дворы небогатыхъ дворянъ и по архитектурѣ, и по внутренней распланировкѣ, не много отличались отъ крестьянскихъ домовъ. Въ дѣлахъ Сыскаго Приказа есть такое описаніе деревенскаго

дома небогатаго дворянина, Самойлы Петрищева, прапорщика новгородскаго драгунскаго полка. „Хоромное строеніе—двѣ свѣтлицы съ комнатами новыя; промежду нихъ сѣни рубленныя разнаго лѣсу. Въ одной свѣтлицѣ печь бѣлыхъ кафлей; въ комнатѣ килимъ (коверь) разныхъ цвѣтовъ. Кромѣ той связи, черная горница съ сѣнми и чуланомъ—рубленная; одна приворотная изба съ клѣткою дробнаго лѣса, промежъ нихъ сѣни плетневыя. Три анбара рубленныя разнаго дробнаго лѣсу; въ одномъ два напола порожнихъ, да въ третьемъ муки ржаной съ четверть. Баня разнаго лѣсу съ сѣнми плетневыми. Въ томъ дворѣ ворота въ дву веряхъ дощатыя. По одну сторону въ ономъ дворѣ сарай, и огороженъ тотъ дворъ скитомъ. Все строеніе крыто соломою“ (№ 3120 л. 642). Что касается внутренняго убранства и мебелировки дворянскихъ жилищъ, указаній въ дѣлахъ Сысканаго Приказа не встрѣчается. Можно, однако, полагать, что у большихъ бояръ убранство домовъ было на европейскій ладъ. У генерала Шепелева, на примѣръ, „въ спальнѣ кровать была англиская о четырехъ столбахъ, съ крышкою, и около ея завѣсъ, раздѣленный на четыре части къ столбамъ“.

Богатые дворяне устраивали при своихъ дворахъ домовыя церкви и крестовыя палаты. При этихъ домовыхъ церквахъ дьячками были дворовые люди. Дворовой человекъ князя Сергія Алексѣевича Голицына Антипъ Ивановъ, на примѣръ, показалъ на судѣ: „по приказу онаго князя, былъ при крестахъ и въ церкви Антипія Чудотворца для читанія и пѣнія замѣсто попомаря. „При домовой церкви Головкина дьячкомъ былъ его же дворовой человекъ (№ 1023). А священнодѣйствовали въ домовыхъ церквахъ, такъ называемые, недѣйствительные священники. Нѣкоторые изъ недѣйствительныхъ священниковъ жили постоянно въ боярскихъ дворахъ, получая ежегодную ругу. Такъ пощъ Андрей Григорьевъ показалъ: „въ 1749 году, за недачею руги, отъ князя Долгорукова самъ собою сшелъ, а по отходѣ нынѣ нахожусь при церкви Антипія Чудотворца, въ придѣлѣ Николая Чудотворца, недѣйствительнымъ священникомъ, который придѣлъ находится на содержаніи кошта князь Сергія князь Алексѣева сына Голицына, служу при крестахъ, отъ котораго получаю и жалованье—денегъ въ годъ 10 р., муки ржаной 10 четвертей, солоду четверть, крупъ осмину и прочаго запасу по разсмотрѣнію его; и жительство имѣю въ домѣ его Голицына въ особливомъ покоѣ, гдѣ живутъ конюхи и мастеровые“ (№ 2227). При другихъ же домовыхъ церквахъ и крестовыхъ палатахъ священники служили временно: занимались только для извѣстнаго дня и для извѣстной службы, за задѣльную плату, и по окончаніи службы тотчасъ уходили. Дворяне часто не спрашивали объ именахъ такихъ священниковъ и не разуживали—дѣйствительно ли они имѣютъ санъ священства и не запрещены ли въ служеніи и священнодѣйствіи духовнымъ начальствомъ. Достаточно

было для нихъ, если лицо, напавшееся служить, знало церковную службу и порядокъ ея. Дворянинъ Цызаревскій показалъ на допросѣ: „напимались священники временпо, которые отслужи ухаживали, а куда—о томъ не извѣстно, и объ именахъ ихъ и откуда они—нужды тогда не имѣлось“ (№ 307). Разбойникъ и тюремный уткледъ, бывшій попъ Молодельской станицы, на р. Медвѣдицѣ, Иванъ Петровъ, явившись въ Петербургъ, чтобы припести государынѣ повинную въ своихъ злодѣяніяхъ, между прочимъ, поступилъ домовымъ священникомъ къ адмиралу Захару Даниловичу Мишукову, у котораго прослужилъ цѣлыхъ полтора года (№ 993). По дѣлу Сыскаго Приказа видно, что Иванъ Петровъ послѣ разгрома разбойничей шайки, въ которой онъ находился, проживалъ въ разныхъ мѣстахъ съ фальшивыми паспортами. Слѣдовательно, онъ вовсе не имѣлъ „ставленной или спатрахиальной грамоты,“ свидѣтельствующей о его священствѣ. Это отсутствіе грамоты не мѣшало, однако, попу Ивану священнодѣйствовать при церкви Мишукова; слѣдовательно, бояре вовсе не заботились о томъ, чтобы удостовѣриться въ полноправности наемнаго попа. Такая перадивость богатыхъ дворянъ въ выборѣ священниковъ, приглашаемыхъ для службы въ крестовыхъ палатахъ и священнодѣйствія въ домовыхъ церквахъ, обратила на себя вниманіе правительства, которое приняло противъ этого обычая строгія мѣры. Въ духовномъ регламентѣ, въ „Прибавленіи о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго“, въ 18 ст. напечатано: „Великое суевѣріе и тщеславіе вѣкихъ мірскихъ лицъ есть—попы въ домъ звать на пѣніе вечерни или заутрени и пр. Если кто невѣжда сіе творить, то не диво—суевѣренъ есть и исправленія требуетъ. А если творить сіе человекъ съ разумомъ, то весьма гордъ есть, ибо онъ вѣдаетъ, что всякъ христіанинъ имѣетъ и долженъ имѣти дерзновеніе (какъ учитъ апостоль ко Евреомъ 10 гл.) приступать къ Богу во извѣщеніи вѣры и держати исповѣданіе упованія неуклонно: вѣренъ бо есть обѣщавый. Вѣдаетъ и то, что священникъ начальникъ и служитель есть молитвы общій въ дому молитвы, т. е. въ церкви Божіей, наипаче священнодѣйствія безкровныя жертвы и прочихъ таинъ, которыя безъ священника быти не могутъ. Каяжъ причина звать священника въ домъ на пѣніе, которое и безъ него быти можетъ? И для чего сіе толикое властей и богатыхъ человекъ отъ убогой братіи разпствіе, къ которымъ въ домъ священники на пѣніе не приходятъ? Воистинну раздраженіе се, а не умоленіе Божіе есть. Бываютъ же по многимъ дворамъ попы бѣглецы, порочни, и отъ архіереевъ своихъ запрещеніи, самозванцы, и иныхъ же вдовы держатъ подъ образомъ потребъ церковныхъ, не безъ подозрѣнія, яко во явилось въ духовныхъ дѣлахъ. Отъ таковыхъ поповъ, скрыто живущихъ по дворамъ, многія дѣются беззаконія: браки безправильные вѣпчаются и пр. Того ради сей безчинный обычай весьма оставь,, а на преслушниковъ налагать штрафы“ (№ 979, л. 8). Не смотря

однако, на это правило духовнаго регламента, повелѣвающее всеѣмъ для молитвы ходить въ общественныя храмы, обычай имѣть домовыя церкви и крестовыя палаты и приглашать для отправления службъ церковныхъ всякихъ „поповъ“ практиковался въ то время, какъ мы видѣли, совершенно открыто. Нѣкоторые вельможи имѣли при своихъ домовыхъ церквахъ даже дѣйствительныхъ священниковъ. Такъ въ дѣлѣ за 1741 г. есть одна челобитная священника, въ которой написано было такъ: „бьетъ челомъ церкви Сергія Чудотворца, что при домѣ генерала и кавалера Василья Ѳедоровича Салтыкова, священникъ“... (№ 5, л. 7). У вдовы грузинскаго царевича Бакара, Анны Егоровой, при домовой церкви „Всеѣхъ Скорбящихъ“ былъ дѣйствительнымъ дьячкомъ Алексѣй Молодиновъ (№ 4119, л. 14). Безъ сомнѣнія, дѣйствительные священники и дьячки опредѣлялись къ домовымъ церквамъ духовною властію. У нѣкоторыхъ бояръ при домовыхъ церквахъ содержались даже хоры пѣвчихъ, которые являлись къ службѣ въ богатыхъ и дорогихъ парадныхъ ливреяхъ особеннаго покроя. Такой хоръ пѣвчихъ былъ при домовой церкви свѣтлѣйшей княжны Екатерины Ивановны Трубецкой. Солдатка Прохорова, взятая въ Сыскной Приказъ для розысковъ въ кражѣ, между прочимъ, показала: „нанялась она къ служителю княжны Трубецкой и, будучи пьяная, взошедъ въ свѣтлицу, гдѣ лежитъ пѣвческое платье, и въ этой свѣтлицѣ съ трехъ пѣвческихъ кафтановъ суконныхъ желтыхъ, которые обшиты кругомъ позументомъ серебрянымъ, позументъ она спорола. Также покрала она три пѣвческія полукафтаны камчатныя, голубыя, съ позументомъ серебрянымъ (№ 3583)“ Такимъ образомъ, знатные дворяне въ это время обходили вышеупомянутое правило духовнаго регламента и продолжали держаться обычая строить и содержать домовыя церкви. И духовная власть сама уступила желанію дворянъ, допустивъ въ домовыя церкви дѣйствительныхъ священниковъ и тѣмъ самымъ сама нарушила правила духовнаго регламента. Знатный дворянинъ не хотѣлъ въ то время идти въ общій храмъ молитвы. Двѣ причины руководили имъ въ этомъ отношеніи: для него было униженіемъ — молиться рядомъ съ незнатными людьми. Онъ — „гордъ бо есть,“ какъ объяснено въ регламентѣ. Съ другой стороны, крестовая палата и домовая церковь были для дворянина необходимымъ придаткомъ къ роскоши и пышности его двора.

Пышность и роскошь были въ то время недугомъ русскаго дворянства. Это и понятно. Съ переселеніемъ дворянъ въ городъ, тамъ создавался рынокъ на европейскій образецъ. На рынкѣ явились произведенія искусствъ, индустріи, прихоти и моды. Съ одной стороны, предложенія рынка были заманчивы по богатству и изяществу предметовъ, а съ другой у дворянина было въ это время много денегъ, и денегъ даровыхъ, которыя стекались въ его казну безъ малѣйшаго съ его стороны труда, и которымъ, слѣдовательно, цѣны онъ

не зналъ. И потянули дворяне на рынокъ. У дворянина развился вкусъ и явилось соперничество блеснуть другъ передъ другомъ своимъ богатствомъ и вкусомъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ создано полное служеніе роскоши, модѣ и щегольству. Одежда дворянъ того времени поражаетъ своимъ количествомъ и дороговизной. Такъ у графини Екатерины Алексѣевны Салтыковой въ списокъ вещей, покраденныхъ изъ кладовой палаты, значится слѣдующее платье: „роба коричневая парчевая съ серебромъ и съ юпкой, цѣна 250 р.; самара бѣлая обьяринная съ галуномъ золотымъ — 200 р.; самара коричневая парчевая съ серебромъ и съ юпкой—150 р.; самара черная бархатная и съ юпкой—90 р.; самара тафтяная зеленая—50 р.; самара фіолетовая насыпная съ сѣткой серебряной и съ юпкой—200 р.; плафрокъ коричневый парчевый съ серебромъ 160 р.; плафрокъ брусничной парчевой съ юпкой—150 р.; шуба парчевая синяя съ золотомъ на лисьемъ мѣху—120 р.; шуба бѣлая атласная на бѣльемъ мѣху—40 р.“ Итого на сумму—1684 р. А у дочери Салтыковой, графини Екатерины Владиміровны Апраксиной, покрадено въ этотъ же разъ: „епанча на собольемъ мѣху, опушка и воротникъ собольи жъ, покрыта парчей бѣлой, цѣна—700 р.; самара алая парчевая, юпка, шлейфъ и лифъ робной такой же—300 р.; робронъ бѣлой съ золотомъ и серебромъ, по немъ розы, парчевой, съ юпкой такой же—270 р.; робронъ парчевой пунцовой съ юпкой такой же—190 р., робронъ бѣлой парчевой съ золотомъ и серебромъ съ юпкой такой же—210 р.; робронъ бѣлой парчевой съ серебромъ и съ юпкой такой же—180 р.; робронъ алой люстриновый съ юпкой такой же и выложенъ серебрянымъ флеромъ—100 р.; робронъ зеленый люстриновый съ юпкой такой же и съ серебряной сѣткой—100 р.; епанча бѣлая парчевая съ золотомъ, на бѣльемъ мѣху сѣромъ—60 р.; исподняя юпка бѣлая парчевая, выложена розовой парчей—50 р. исподняя юпка бѣлая, шитая серебромъ съ голубымъ шелкомъ—35 р.; исподняя юпка стеганая, алая атласная, выложена сѣткой серебряной—40 рублей“. Итого на сумму—2235 рублей (№ 2868, л. 6). Сумма большая для того времени! Это еще не все платье, которое имѣли Салтыкова и ея дочь Апраксина. Объ онѣ, во время покражи, были въ отъздѣ на лѣтнее время изъ Москвы: безъ сомнѣнія, съ ними было еще много платья. Мы записали выше перечень платья знатныхъ особъ того времени; но и у небогатыхъ помѣщицъ платье было тоже богато для ихъ средствъ. У Степаниды Ивановны Нетесовой, наиримѣръ, когда она ѣхала изъ Москвы въ свою вотчину, воровскіе люди пограбили ея пожитки, между которыми: „полплафорокъ съ юпкой грезетовые, цѣна—60 р.; плафоръ обьяринной пунцовый—20 р.; шапка подвязная парчевая, по гвоздишней землѣ золотыя травы съ пукетцами, опушена соболемъ—6 р.; мантилья черная тафтяная съ капишономъ—25 р.; шуба штофная кофейная съ пукетами алыми

и съ другими цвѣточками на лисьемъ мѣху—45 р.; четыре роброна и съ юпками—30 р.; нѣсколько шубъ и разныхъ матерій; шугай грезетовый—10 р.; дюжина рубашекъ женскихъ съ манжетами камортковыми шитыми—35 р.; шесть чепчиковъ камортковыхъ съ кружевомъ—10 р.; шесть косынокъ камортковыхъ и шесть голландскихъ—7 р.; три платка италіанскихъ—6 р.; платковъ тафтяныхъ и ситцевыхъ семь—20 р.“ и пр. (№ 4212, л. 33).

Изъ вышеприведенныхъ выписокъ видно, что одежда русскаго дворянства представляла смѣсь иностраннаго образца съ русскимъ. Женщины носили робы, роброны, плафроки и полуплафроки, самары, юбки и пр. Шились они изъ парчи, камки, объяри, атласу, бархату, тафты, штофу, грезета, гарнитура, тарценеля и пр. Все платье, по большей части, отдѣлявалось серебряной, иногда и золотой, сѣткой. Верхнее платье женщинъ составляли—епанечки, шубы и шубки, шугай, мантильи, балахоны, бострокъ (безрукавка, куртка со сборками), и пр. На головѣ носили косынки разныхъ матерій, чепчики камортковые, „коломенку добраго“, полотняные, камчатные и другихъ матерій, которые отдѣлявались кружевомъ, серебряной бахромой и вышивались золотомъ и серебромъ. Зимую носили шапки подвязныя парчевыя, бархатныя и др. съ опушкой собольей, куньей, разсомачьей и пр.; шапки косыя изъ камки, атласу и бархату, шитыя серебромъ и золотомъ. Женщины любили украшать свою голову лентами золотыми съ подпизью жемчужною и жемчужными „переденками, визаными репьемъ и разными узорами“. На шею надѣвали дорогіе перлы жемчужные, съ привѣсными крестами алмазными и золотыми, съ изумрудами, яхонтами, и другими камнями, складни алмазные и кресты на серебряныхъ и золотыхъ цѣпочкахъ. Серьги, перстни и кольца составляли необходимую принадлежность женскаго туалета и любимѣйшее украшеніе. Вмѣсто браслетъ нѣкоторыя дамы надѣвали на руки жемчужныя нитки, золотыя съ жемчугомъ зарукавья. Женщины носили перчатки кожаныя лайковыя, шелковыя и шерстяныя. Форма ихъ была двоякая: перчатки съ пальцами, и съ кондырями. Обувь женская состояла изъ сапогъ и башмаковъ преимущественно сафьяныхъ, алаго и голубаго цвѣта, также грезетовые съ позументомъ серебрянымъ. Башмаки застегивались пряжками „пресметальными“, серебряными, стальными и мѣдными. Чулки работали изъ толка, гаруса, шерсти и нитокъ съ серебряными стрѣлками и подвязывались подвязками шолоковыми съ пряжками.

Мужское платье дѣлилось на служебное и партикулярное. Служебное платье дѣлалось преимущественно, если не исключительно, изъ сукна самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: краснаго, голубаго, синяго, сѣраго и пр. У сержанта Воейкова разбоемъ взято: кафтанъ строевой съ камзолемъ и штанами красными, цѣна 50 р., камзолъ съ позументомъ золотымъ красной, штаны триковые розовые (№ 3311). У прапорщика Соснина пограблено: кафтанъ строевой суконной офи-

перской по 1 р. 30 к. за аршинъ; камзолъ красной суконной, покупано по 1 р. 90 к. (№ 18, л. 14). Партикулярное платье шилось изъ разныхъ матерій всякихъ цвѣтовъ: изъ парчи, атласа, бархата, сукна и пр. Камзолъ и штаны шились по преимуществу изъ одной матеріи. Это считалось модой. Штаны шились также изъ лосиной кожи и замшевые. Мушоны носили кафтаны, камзолы, бастроки, бешметы. Верхнее платье было: шубы мѣховыя, которыя шились иногда съ *балетомъ* (можетъ быть съ воротникомъ, или съ капюшономъ?), епанчи, зимнія на мѣху, которыя были безъ рукавовъ, пуговицы на правой полѣ, а на лѣвой „приполокъ“ (№ 2581), тулузы и полушубки. Для опояски дворяне употребляли кушаки шелковые персидскіе, которые стоили 10 и 20 р. Мужскія рубашки были и русскія, съ косымъ воротомъ и съ „подплеками“, и заграпичныя. У надворнаго совѣтника Толстаго покрадена, между прочимъ, „рубашка голландская съ шитыми манжетами—цѣна 8 р., а въ ней запонокъ двѣ золотыхъ съ изумрудами, серебряныхъ двѣ съ хрустальями—15 р.“ (№ 4143, л. 4). Шапки мужскія были изъ разныхъ матерій и разныхъ формъ: дѣлались шапки суконныя зеленаго цвѣту, опушка разсомачья; шапки красныя суконныя, опушка сѣрая бухарская, шапки отвороты лисья; были шапки бархатныя съ калмыцкими и собольими околышами.

У богатыхъ и знатныхъ дворянъ того времени столовая и чайная посуда была изъ серебра, а у небогатыхъ — оловянная, хрустальная и фарфоровая. Драгоцѣнными металлами и камнями дворяне любили украшать различные предметы своего домашняго обихода: ножи, кинжалы, сабли, ружья, конскую сбрую, трости и пр. Дворянство того времени любило пріобрѣтать драгоцѣнности. Напримѣръ: у Степаниды Ивановны Нестесовой, сравнительно небогатой дворянки, пограблены слѣдующія драгоцѣнныя вещи: „жемчугу крупнаго 12 нитокъ, да мелкаго—10, цѣна—200 р.; складень алмазной, что на шеѣ носятъ—300 р.; серьги брилліантовыя—200 р.; серьги синія яхонтовыя съ бурмицкими зернами—100 р.; перстень брилліантовый—200 руб.; стопа серебряная на ножкахъ чеканная—20 р.; посуды серебряной: два подноса, двѣ дюжины чашекъ кофейныхъ, да чайникъ, сахарница, ложекъ двѣ дюжины—250 р.“ (№ 4262 л. 33). У жены лейбгвардіи преображенскаго полка капитана Лутовскаго ограблены на дорогѣ: „скрыпочка, въ которой было чужестранныхъ червонныхъ двѣсти—цѣна 460 р.; медалей золотыхъ разныхъ російскихъ и чужестранныхъ, большихъ и малыхъ, цѣна 150 р., табакерка золотая—150 р., складень, что на шеѣ носятъ, съ алмазами и красными яхонтами—400 р., перстень въ золотѣ брилліантовый—300 р., другой перстень яхонтовый, осыпанъ брилліантами—200 р., жемчугу персидскаго на руки шестнадцать нитокъ—500 р., нюхальница, что держатъ духи, финифтяная въ золотѣ—20 р., табакерка съ зеркальцомъ въ золотѣ-жъ—60 р., часы золотые съ финифтью и съ

крюкомъ—150 р., готовальня золотая съ крюкомъ—150 р. (№ 5079). “ У сержанта Воейкова, когда онъ ѣхалъ на службу, пограблены разбойниками разные пожитки, въ томъ числѣ: „перстень бриліантовый—120 р., другой такой же—80 р., два кольца золотыя; часы тумпаковыя съ цѣпочкою золотою—80 р., часы серебряныя—20 р.; погребецъ, въ немъ шесть скляницъ хрустальныхъ, двѣнадцать чашекъ серебряныхъ, шесть стакановъ серебряныхъ вызолоченныхъ на ножкахъ, кружка серебряная вызолоченная—40 р., подносъ серебряный—25 р., солонка серебряная“ и пр. (№ 3311). Конскую сбрую нѣкоторые дворяне украшали съ азіатской роскошью. Такъ, коллежскій совѣтникъ князь Мещерскій заявилъ въ Сыскомъ Приказѣ, что у него украдены были воровскими людьми изъ кладовой палаты: мундштукъ серебряный наборный сплошной—300 р., къ нему уздечка тканая серебряная—8 р., мундштукъ персидской серебряный вызолоченъ—180 р., къ нему уздечка тканая золотая—15 р. (№ 2278. л. 40).

Въ описываемое нами время дворяне держали при своихъ домахъ многочисленную дворню. Чѣмъ богаче и знатнѣй былъ дворянинъ, тѣмъ больше онъ содержалъ дворовыхъ людей. У самыхъ знатныхъ вельможъ того времени были цѣлыя полки дворни, большая часть которой бездѣльно влачила свои дни на господскомъ дворѣ и имѣла единственнымъ назначеніемъ—свидѣтельствовать, своимъ многолюдствомъ, о знатности и богатствѣ своего патрона. Дворяне сами платили подушныя за своихъ дворовыхъ людей, содержали и одѣвали дворню болѣе или менѣе богато, смотря по мѣсту каждаго человѣка, которое онъ занималъ въ барскомъ домѣ. Главные, такъ сказать, ближніе къ боярину служители одѣвались у иныхъ дворянъ весьма богато. Такъ, вышеупомянутый князь Мещерскій, заявляя о покражѣ пожитковъ, поименовалъ, между прочимъ, слѣдующее лакейское платье: покрадено лакейскихъ камзоловъ зеленого аглицкаго сукна съ позументомъ золотымъ двѣнадцать, по 50 руб. каждый—600 руб.; шесть камзоловъ суконныхъ лосинаго цвѣту съ галуномъ бархатнымъ неразрѣзнымъ лосинаго и синяго цвѣту—по 25 р.—150 р., лакейскихъ синихъ кафтановъ съ лосиными камзолами двѣнадцать паръ по 17 р.—204 руб. Такое одѣяніе имѣли лакеи, которые, служа при лицѣ самаго господина, были всегда на выставкѣ. Дворня же, которая далеко была отъ парадныхъ лѣстницъ и барскихъ покоевъ, поражала бѣдностью одежды. Напримѣръ: пять полныхъ костюмовъ черной дворни Мещерскаго, состоящихъ изъ шубы, камзола, штановъ, сапогъ, рукавицъ и шапки, стоили всего 10 руб.; слѣдовательно, по два рубля каждый костюмъ (№ 4262, л. 33). Служебная іерархія дворни при господскомъ дворѣ дробилась на множество должностей. Главной и почетной должностью считалась должность домоправителя. Въ его лицѣ сосредоточивалась вся власть по управленію: онъ вѣдалъ и хозяйственныя и административныя дѣла въ городскомъ барскомъ домѣ; иногда простиралъ свои дѣйствія

и на управленіе вотчинами. Такъ, крестьянинъ графа Александра Гавриловича Головкина Иванъ Тимофеевъ показалъ, что онъ пришелъ въ Москву отъ прочихъ крестьянъ къ домоправителю господина его по ихъ крестьянскимъ нуждамъ (№ 3868, л. 15). Домоправитель завѣдывалъ вмѣстѣ и домовою конторой, при которой были писцы и счетчики (№ 454, 3859). При домовою конторѣ состоялъ стражчій— „человѣкъ, который за дѣлы ходитъ“. Домашній стражчій—было важное лицо въ жизни тогдашнихъ дворянъ. Сами дворяне не ходили въ судъ, съ одной стороны, потому, что самолично не могли вести дѣлъ въ судахъ, не зная всей махинаціи тогдашняго судопроизводства; съ другой—они заняты были государственною службой. Поэтому они и содержали при своихъ домахъ особыхъ людей, „которые за дѣлы ходятъ“. Во всѣхъ судебныхъ, административныхъ и полицейскихъ учрежденіяхъ эти люди замѣняли собой лицо своего господина и пользовались нѣкоторою оффиціей. Когда, напримѣръ, требовалось въ судѣ по дѣлу дворянина какое-нибудь объясненіе или „отвѣтствованіе“, то судъ обращался не къ господину, а посылалъ сыскную память его „человѣку, который за дѣлы ходитъ“. Самого господина какъ будто не было для суда. Напримѣръ: по дѣлу капитана Писарева присутствующіе Сыскаго Приказа, распредѣливъ выти, постановили такое опредѣленіе: „послать солдата съ сыскною памятью въ домъ прапорщика Алексѣя и квартирмистра Степана Колычевыхъ для взятія людей, которые за дѣлы ходятъ, для прикладыванія къ учиненной вытной выпискѣ руки“ (№ 407, л. 16). Военная коллегія тоже послала солдата съ сыскною памятью въ домъ дѣйствительнаго камеръ-юнкера Головкина „для взятія его человѣка, который за дѣлы ходитъ, для отвѣтствованія“ (№ 1023, л. 26). Если посланные отъ суда не находили стражчаго, то судъ ждалъ, когда будетъ возможность этому человѣку явиться въ судъ. Солдатъ, посланный военной коллегіей въ домъ Головкина для взятія человѣка его, который за дѣлы ходитъ, объявилъ: „ту сыскную память объявилъ управителю, а тотъ прочитавъ сказалъ, что такого человѣка въ домѣ теперь нѣтъ, а посланъ онъ въ вотчину господина для деревенскихъ нуждъ; а когда явится въ домъ, то будетъ посланъ въ контору военной коллегіи для отвѣтствованія“. Нѣкоторые изъ такихъ ходатаевъ намѣренно уклонялись отъ призыва въ судъ, тогда посылали по нихъ съ сыскною памятью по нѣскольку разъ. Такъ, по тому же дѣлу Писарева, посланные въ домъ Колычевыхъ для взятія стражчихъ объявили въ Сыскаго Приказѣ: „по данной имъ сыскной памяти ходили они на дворы помянутыхъ Колычевыхъ для сыску людей ихъ, которые за дѣлы ходятъ, и другихъ людей, кто со двора сойдетъ, многократно по многіе дни, въ разныя времена, и у двора дожидались, чтобъ кто-нибудь сошелъ;—и съ того двора Колычевыхъ люди ихъ никто не сходятъ и отъ нихъ посланныхъ укрываются не вѣсть для чего“ Когда, послѣ долгихъ поисковъ, не находили домо-